

Вот что писала недавно газета «Известия» о С. П. Аверичевой:

«Театр для Софии Петровны Аверичевой начался с неуклюжего грузовика «АМО», на котором она семнадцатилетней девочкой возила артистов и всякий задушевный скарб. Перед войной в Ярославском театре имени Ф. Г. Волкова она играет главные роли в шиллеровских, чеховских, горьковских пьесах. И сейчас в том же театре С. П. Аверичева почти каждый вечер выходит на сцену.

Когда началась война, актриса пришла в военкомат проситься на фронт.

— Но у вас нет военной специальности, — сказали ей.

— Запишите на курсы мотоциклистов. Я старый водитель! — задорно ответила девушка.

Калининский фронт — вот на какой сцене «играла» теперь София. Отдельная моторизованная разведрота в 234-й дивизии — ее «труппа», разведчица — ее главная роль. И так до конца войны. Восемь боевых наград украсили гимнастерку Аверичевой в День Победы...».

Сегодня мы публикуем фронтовой дневник Софии Петровны Аверичевой.

12 апреля 1943 года.

Полк расположился в лесу на привале. Долго ли мы пробудем здесь, никто не знает. Может, час, а может, и весь день. Сосновый лес подернулся дымкой.

Не верится, что совсем еще недавно в этом лесу хозяйничали фашисты, что около каждого дерева и кустика поджидала нас смерть. Разведчики хорошо знают этот лес. Вспомнила разведчиков и ужасно захотелось в разведроту, потянуло к ребятам. Это, вероятно, от того, что до сих пор я не была в бою со своими товарищами.

Пылают костер, весело потрескивают сосновые ветки. Вокруг все уснуло. Крепко спят бойцы, обнявшись со своими друзьями — автоматами. В котелках кипит, булькает чай. Сейчас выпьем по кружке чаю, уйдем по ленте хлеба — можно ждать до обеда.

Здесь все кажется вкусным. У всех зверский аппетит. Я себя чувствую совсем здоровой, бодрой, сильной. Жизнь фронтовая идет, продолжается. «Боевые листки» выходят через 2—3 дня. Только что приходил секретарь парторганизации полка капитан Панов. Он принес для нашего «Боевого листка» свою статью о новых зверствах гитлеровских оккупантов.

В деревне Нивка мать трех подростков Пелагею Дмитриевну Севастьянову, которая пыталась спасти детей от улова в Германию, гитлеровцы сильно избили, а потом закололи штыками.

В деревне Дубовицы фашисты заподозрили шестнадцатилетнего Мишу Сурпатов в связях с партизанами. Гитлеровцы его избили, привязали к дереву вблизи его дома и в течение четырех дней на глазах родных и односельчан издевались над ним. Михаил Сурпатов умирал медленной мучительной смертью. Солдаты стреляли в руки, ноги, а потом выстрелом в голову умертвили его.

Почти в каждом номере «Боевого листка» мы помещаем все новые и новые факты о страшных

## Дневник разведчицы

злодеяниях, которые совершает Германия на нашей советской земле. Пусть бойцы знают, за что они идут в бой!

18-е апреля.

Мы пришли на смену 17-й гвардейской дивизии и заняли оборону. КП и штаб полка со своими подразделениями расформировались в оврагах вблизи деревни Журавы. Меня очень радует соседство с санротой. Смогу хоть изредка встречаться с девочками.

Днем и ночью мы наблюдаем за противником. Высматриваем «языка». Остальные автоматчики несут службу по охране командирского пункта и штаба полка. Плоховато у нас сейчас с питанием. Вот уже несколько дней наш Никифоров варит болтушку из муки.

В роте несколько случаев заболевания курной слепотой. Ужасно неприятная вещь! Днем зрение нормальное, а ночью человек ничего не видит. Особенно плохо со зрением у автоматчика Ищенко. Он боялся, что его отчислят из роты и поэтому долго от всех скрывал свое заболевание. Ночью шел за нами, ориентируясь по слуху. А сегодня он отстал от нас и чуть не заблудился. Хорошо, что мы вовремя обнаружили его исчезновение и вернулись. Я повела его задалочку.

25-е апреля.

Только что вернулись боевого задания. Вели разведку боем. Как только стемнело, мы вышли под командованием лейтенанта Бориса Анистратова на исходный рубеж. После небольшой артиллерийской обработки переднего края противника мы ворвались в траншею боевого охранения. Немцы с боем отошли по ходам сообщения в основную линию обороны. Мы захватили пулемет, две винтовки и немецкие газеты.

В землянке нашли солдатский мундир, в карманах фотокарточки, блокнот с дневниковыми записями.

А нам приказано во что бы то ни стало взять пленного. Это боевая задача всех разведподразделений дивизии.

Сейчас мы снова идем в наблюдение. Командование решило повторить поиск в районе Видибоникольска.

30-е апреля.

Чудесная апрельская ночь. Лунная и теплая. Старший сержант Мокурин, сержант Михаил Плошкин и я патрули-

жит автомат. Ноги отекли, занемели.

Протянулись в землянку через окошко и открытые двери солнечные лучи. Они заполнили всю землянку, играют на лицах спящих бойцов. Вечером — задание, а до вечера — много дел. Ведь завтра праздник, праздник весны!

Пока автоматчики завтракают, я успеваю проинспектировать капитальную уборку. Мубарак Ахмедвалиев, наш ротный сапер, и самый маленький худенький автоматчик Тошев принесли свежей соломы. Они же до-

Побачил я орден Красного Знамени, а чужое сердце, билось не побачу...

Я поняла: надо идти к капитану Печенежскому, нельзя человека брать на задание с таким настроением. Бугаев угадал мои мысли.

— Ты что? За кого меня считаешь? Я не трус! Прощу, Софья, капитану — ни слова!

Пора в путь-дорогу. 22-е мая

Два часа ночи. Гитлеровцы утихомирились. Молчит и наша оборона. Полная тишина. И темно. Мягко ступая по све-

тов. Хакимов, Курнев, Солдатов, Фомченко, Мурзаев и остальные бились на левом фланге. Оттуда слышались дикие вопли немцев. Меня сильно ударило по голове, сшибло с ног, срезало с головы каску. В правой одеревеневшей руке повис автомат с рашепленным ложом приклада.

— Раненые, немедленно выходите! — закричал Анистратов, а сам ворвался в дзот.

— Аверичева, я ранен, Аверичева!.. — позвал на помощь Макурин. Отчаянье, что ли, придавало мне силы, я вытащила его из траншеи и поволокла по полю. Взрыв гранаты накрыл нас обоих. Чем-то острым резануло, ударило меня по ногам. Макурин лежал без движения. Не ощущая никакой боли, я, задыхаясь, поползла с ним дальше, подтягивая его левой рукой. Так я ползла и тащила Макурина, ничего не соображая. Только бы дотащить, только бы дотащить до нашей обороны.

Бой стих. Очень кружилась голова, замирало сердце, но я чувствовала, что Макурин еще жив. Мы уже среди кустов. Начинало светать. Вдруг рядом послышались быстрые, тяжелые шаги, прерывистое дыхание, лающая немецкая речь. Гитлеровцы прочесывали лес, страшно ругаясь между собой. Мы замерли. Они пробежали мимо.

Не обращая внимания на боль, я ползла вдоль линии фронта и, наконец, увидела вдали трассирующие многоцветные огоньки. Зеленые, красные!.. Забило сердце. Это наши ребята с капитаном Печенежским обозначали нам путь на отход.

Макурин приходил к себе, тихо стонал, а потом снова терял сознание. Он был весь в крови. А я тащила, тащила, тащила. Потом у меня стало темнеть в глазах...

Очнувшись на телеге. На передних телегах слышались стоны. Держась за телегу, тяжело хромая, идет Ложко. Рядом Анистратов, с забинтованной рукой, в накиннутой на плечи телогрейке. Задание нами выполнено.

были где-то груды белых камней и осколки красного кирпича. Выложили мы около землянки: «Да здравствует 1-е Мая!» и «Смерть немецким оккупантам!»

В это время вернулся из штаба полка капитан Печенежский.

Расставив ноги, сдвинув свою серую кубанку на затылок, он многозначительно произнес:

— Товарищ Бугаев Захар Иванович! Срочно к ПНШ по учету, капитану Агафонову!

— Что это вдруг я там понадобился? — удивляется младший сержант.

— Твой орден Красного Знамени прислали из штаба армии за поимку лейтенанта Керш-Бергарда. Понятно? — довольно улыбается капитан.

После бани, после обеда автоматчики отдыхают. На гимнастерках сияют белые подворотнички. Я выхожу из землянки и вижу: по оврагу возвращается Бугаев, грустный, расстроенный.

— Что с вами, товарищ Бугаев? — спрашиваю я его. — Получили орден? — Захар Иванович медленно опускается на ящик, вытирает пот со лба.

— Нет, не получил, только побачил. Завтра вручат на первомайском митинге...

— Так что же вы загрустили?

— Эх, Софьюшка! — вдруг застонал Бугаев. —

вспаханному полю, открыто, в рост подошли мы к левому крайнему дзоту и залегли перед ним метрах в пятидесяти, чтобы перевести дух и осмотреться перед атакой.

Земля сырая, свежая, пахучая. Родная наша земля! Со мной рядом лежат Ложко, Анистратов, Макурин, Плошкин. Других мне не видно. Из-за тучи выплывает луна, освещая амбразуру, линию траншей. А мы лежим на открытом поле, как на ладошке, предательски заблестели диски автоматов и каски.

— Приготовиться! Гранаты — к бою! Вперед! — прозвучала команда Анистратова.

Мы поднялись и пошли со всех сторон прямо на дзот. Немцы, подпустив нас на двадцать метров, открыли огонь. Резанули гитлеровские пулеметы, ударили автоматы. Взялись десятки ракет, стало светло, как днем.

Рывком мы бросились вперед, ворвались в немецкие траншеи. Начался гранатный и рукопашный бой.

Первым бросился к дзоту Бугаев, но, сраженный пулеметной очередью, упал. Затем Анистратов и Ложко. Они ворвались в траншею. Я была уже рядом с дзотом. Справа от меня Плошкин, Макурин и Коробков били из автома-